

забвенно и самоотреченно. Умение жить чужой радостью и чужой болью свойственно ей в высшей степени» (Колкер Ю. Три письма и поездка в Англию // Карпова Н. Разлук и встреч печаль и радость... С. 284).

Удивляясь тайне мироздания, К. видит в «обычном ходе вещей», в траве и дожде икону Творца. Для стилистической системы К. характерны несколько удлиненная строка, утяжеленный ритм. Стихотворение организуется так, что нравственный вывод выносится в конец произведения и звучит как завершающая нота. Порой у К., поэтессы преимущественно городской, прорываются фольклорные нотки.

Поэтические ориентиры К. определили то, что стихи о любви романтической в ее лирике оказались менее своеобразными. В отклике на вторую книгу «Совпадения» (1980) отмечалось: «Лирическая героиня скорее вдумывается в жизнь, нежели живет страстями, она оглядывает мир и осмысливает его, идет от анализа к синтезу, ищет проявления цельности мироздания», и эта манера «придает ее стихам некоторую рассудочность» (Пруссакова И. У своих истоков // Нева. 1981. № 2. С. 189–190).

В последней книге «Над темной водою канала» (1994) К. выражает свою веру уже открыто: гулкая исповедальность, яростная борьба с грехом, постоянный поиск духовного совершенства приходят в соответствие с ее прежде сокрытой религиозной жизнью. Общее настроение книги сумрачно, неприглядны приметы времени: «незрячие кинулись в поводыри», «взрывчаткой самодельной переполнены дома», «и не светла печаль, и ненадежен дом». Любимый Петербург воспринимается как «город больной», а «люди злобой подогреты». Эта ненадежность земного бытия кажется К. предвестием заслуженного и неотвратимого возмездия. Мотивы ухода, тщеты земных усилий звучат в книге с роковой неотступностью.

Стих К. порой сближается с древними духовными покаянными стихами: «Человечек, подумай, ты сам разрушен, / Словно храм, так спасай свою душу голую, / Омраченную, уже смердящую душу!» (Разлук и встреч печаль и радость... СПб., 1996. С. 225. Далее чит. это издание).

Выход К. находит в Боге: важно не то, что «мы дети безвременья», важно, что «все мы Божии дети» («О том, что времена последние...»). С. 229). Встречи с людьми, некогда приносившие радость, теперь воспринимаются как «искушенья, соблазны», ибо «всяк человек — ложь» («Господи, да будет воля Твоя!»). С. 232). Поэтесса не питает иллюзий и в отношении поколения, взра-

щенного эпохой безвременья: оно поглощает «громады газетной отравы», толкается «в колоннах у разных знамен», и неясно, «кто спасется во тьме, властно, алчно опутавшей землю, / Где коммерция, бизнес, богатство — весь смысл бытия?» (С. 240). Горьки приметы эпохи («Но, увы, на съездах заседая, / И монах сегодня депутат»). С. 242), становящиеся одновременно и приметам «последних времен» («Уже на улицах раздают листовки...»). С. 217).

В творчестве К. все большее место занимают темы отчаянной борьбы с грехом, исповеди, жертвенной готовности («Возьми мою жизнь, Господи, / Обретшую пару крыл»). С. 243). Последний цикл К. озаглавлен «Стихи покаянные». Предчувствуя свою гибель, К. прощается с близкими («Всех простила от сердца — / Простите меня, дорогие»). С. 205) и молитвенно обращается к Богу с надеждой: «Только б пройти через узкую дверь / К Господу без преткновенья!» (С. 244). К. была убита неизвестными воскресным утром в день поминовения Новомучеников Российских, по пути в Спасо-Преображенский храм. Похороны пришлось на день гибели А. Пушкина. Суть последних стих. К. точно определила Н. Шумских: «В ее стихах слышится искренний плач о грехах, истинное покаяние. Любя свой родной город, ставший „в мирозданье открытою раной“, любя, как больного ребенка, и страдая за свою великую и убогую Родину, она и нас зовет к соборному покаянию и смирению перед Господом» (Шумских Н. Духовный дар // Карпова Н. Разлук и встреч печаль и радость... С. 275).

Соч.: Колодец. Л., 1976; Совпадения. М., 1980; Мой город. Л., 1981; Травматный перекресток. Л., 1987; Краски дня. Л., 1988; Над темной водою канала. СПб., 1994; Разлук и встреч печаль и радость... СПб., 1996.

Лит.: Дрян Б. [Предисл.] // Нева. 1995. № 6; Наташа: [Воспоминания о Н. Карловой: Борисова М., Слепакова Н., Усова Г., Гампер Г., Цывьян Л., Джексон К., Кушнер А., Шадрин Ж., Минкина В., Угренников Г., Шумских Н., Крестинский А., Вдовина Р., Халупович В., Колкер Ю., Любегин А., Тарасьев А.] // Карпова Н. Разлук и встреч печаль и радость... СПб., 1996. С. 249–295; Колкер Ю. Простившая всех // Русская мысль. 2000. № 4307.

А. М. Любомудров

КАРТАШЁВА Нина Васильевна [1.1.1953, пос. спецпереселенцев (ныне вошел в черту г. Верхотурья) Верхотурского р-на Свердловской обл.] — поэт.

Н. В. Карташёва

Отец — из рода князей Оболенских, мать — из крестьян. Предки К. подверглись репрессиям: бабушка-дворянка, княгиня Н. И. Оболенская-Кейкунатова, вернувшись из Харбина с репатриантами, провела 8 лет в лагерях, др. бабушка, крестьянка с Псковщины, была раскулачена и выслана на Урал в 1929; дед расстрелян красными, другой — умер в ссылке. Отец — фронтовик, удостоен двух орденов Славы. Мать рано умерла, и К. воспитывалась бабушками, которые открыто исповедовали православие, с детства приобщили К. к вере, церковному певческому искусству, поэзии акафистов.

В 1967 переехала в Ленинград, где окончила музыкально-педагогическое училище; в 1971 поселилась в Подмоскowie, работала преподавателем в детской музыкальной школе, пианисткой в Московском камерном оркестре. Живет в г. Менделеев Московской обл.

Стихи пишет с 6 лет. Толчком к публикации произведений послужили перемены в стране: «Когда началась перестройка, переменялось отношение к Церкви, я загорелась верой, что уцелевшая Святая Русь, верующие русские православные люди, священники, иерархи вернут народ в лоно Церкви. Но, увы... лукавство и подмена еще более усилились» (**Автобиография** // Архив Отдела новейшей лит-ры ИРЛИ). К., убежденную в том, что «православие — не тема, а со-

стояние души», не удовлетворяли появлявшиеся тогда произведения «на церковную тему», и по благословению духовного отца она начала печататься.

Первая публикация — стихи в ж. «Наш современник» (1990. № 9). В 1991 попечением поэтессы А. Ф. Кузьминской (1898–1992) в Мельбурне вышла первая книга **«Стихи из России»**. Затем в течение 10 лет вышли еще 6 поэтических сб. К., среди которых **«Чистый образ»** (1993), **«Имперские розы»** (1996), **«Порфира и виссон»** (2000; включает около 700 стих.), **«Слава России!»** (2001).

Член СП России с 1993. Инициатор и ведущая лит.-музыкальных вечеров русской духовной культуры «Слово во славу» в Международном Славянском центре (с 1993), музее К. Васильева (с 1999). К. определяет себя как поэта православно-патриотической и монархической направленности. Следствием такой открытой самоидентификации К. стала полярность критических оценок: если Ст. Рассадин определил ее творчество как «черносотенный лом, прикрытый хоругвью», то М. Лобанов, Ст. Куняев, Вл. Солоухин, В. Крупин дали высокие оценки ее стихам, а «Русский вестник» назвал К. «выдающейся русской поэтессой современности» (2000. № 39–40).

В предисл. к книге «Чистый образ» Ст. Куняев так определил место К. в совр. поэзии: «Нина Карташова принесла, как драгоценную влагу в ладонях... истовую веру в Россию... чистую любовь к измученному, оболганному, но живому народу своему... В эпоху распада жизни и поэзии, ядовитой рефлексии, разрушающей поэтическое слово... встретишься с душой, исполненной цельной, звенящей силы самопожертвования, милосердия и духовного героизма» (С. 8).

Гражданская поэзия К. — обличение неправды, призыв к противодействию силам зла. Стих. К., которые звучат как набат во время бедствия, свойственны определенность позиции, отсутствие полутонов, плакатность. Публицистичность и лапидарность некоторых формул превращают их в лозунги: «Воюю. Мечом, крестом и словом» (Порфира и виссон. М., 2000. С. 97. Далее, если не оговорено специально, цитируется это изд.). В стихах проступает мирознание воина — участника ожесточенной вселенской битвы зла и добра. Базовые нравственные ценности поэзии К. — честь, доблесть, верность: «Сколько горя вокруг! Век двадцатый добил / Честь и Доблесть по-подлому в спину» (С. 80). По убеждению поэтессы, «самое нужное сейчас

в России — благородство», необходимы «рыцарство духа, своя русская элита, аристократия <...>. Не будет этого, все распродадут: и совесть, и Родину, и нацию» (Православная Русь. 2002. № 9. С. 12).

Поэтический идеал К.— православное рыцарство, в ее поэзии присутствует культ воина, готового к смертной битве, или юноши, сражающегося крестом и мечом, дарящего «имперские розы» своей воинственной вдохновительнице: «И отроку вручить старинный меч, / И научить быть русским до кончины» (**«От гнева задыхаться и дрожать...»**). С. 35). Лирическая героиня К. ждет от мужчины подвига и самопожертвования: «Слагаю гимны: побеждай! / Умри и доблестно и смело!» (С. 21); обращается к защитнику: «Сняла кольцо, чтоб ты купил оружие» (С. 13); «...Последний цел патрон? / Так отомсти! Хоть одному, как воин» (Сб. «Слава России!». С. 83). Переключки с блоковским циклом «На поле Куликовом» особенно явственны в стих. **«Рассвет»**: «Очнись, опомнись! Перед кем ты пал? / И на кого ты Родину оставил? / Рассвет. Час просветления настал. / Молись теперь, чтоб Бог твой меч прославил» (С. 14). Исполненные «горечи и злости» обращения к противнику (например, в стих. **«От Бога за убийство отлученные...»**. С. 77) восходят к традициям гражданской лирики А. Пушкина («Клеветникам России»), М. Лермонтова («Опять, народные витии...»), Н. Языкова («К ненашим»).

Идеально-романтические образы воинов существуют в книгах К. лишь как надежда, совр. реальность порождает разочарование: «Я каюсь за народ, что он не поднял меч!» (**«Не победить врага в бою земном...»**). К. не прощает безволия и расслабленности, предательства своего рода, своей крови. В окружающей действительности с горечью наблюдает мелкий, изверившийся, циничный люд: «Мальчишка! Лгун! авантюрист, артист...» (Слава России! С. 107). Размышления о всеобщей продажности, проникшей и в людские души, и в искусство, и даже в церковь («На рынке все, стихи и красота, / И храм с торговлей Божьей благодатью. / Смеются над святынею Креста, / Прильнув устами скверными к распятью». С. 684), сопрягаются с темой лукавого оборотничества: «Подмена. Имя Бога всеу. / Без веры праздничный тропарь» (С. 103).

Народ в поэзии К. предстает не только покорным, но и покорившимся, не только униженным, но и охотно устремляющимся к низменным грехам. Одно из самых горьких стих. К.— **«Побежденные»**: «Мы давно

безнадежны / и столь же равно бесполезны, / пустота в наших душах заблудших зияет... Мы не Русью Святою, / а даже Россией не стали» (С. 125). Сострадание соплеменникам («Все предали тебя — и власть, и армия...») сменяется хлестким обличением в трусости и безволии: «Трус выжидает, выживает. / Смирный вид, лукавый вздох. / Молчит. А Божий глас взывает: / Молчаньем предается Бог!» (**«Лбы расшибаются о стены...»**). С. 683).

Надежда на воскрешение страны еще не оставляет поэта, но во мн. стихах актуализирована ситуация смерти России («После смерти Родины власть чужая в силе»). Лирическая героиня, униженная и бесправная в нынешнем отечестве, ощущает себя гражданкой «Родины небесной — Вечной России» (**«После смерти...»**). Одно из самых сильных стих. К. открывается трагической метафорой: «Моя могила — Родина моя». Замученный, убитый, исчезнувший с лица земли, некогда великий народ существует уже в какой-то иной, метафизической реальности: «Мы после смерти стали крепче стали...» (С. 109).

Личный комфорт, душевный покой, чувственные удовольствия приносятся лирической героиней в жертву высшим идеалам. К. утверждает святость венчанного брака, принимая супруга как «единственного, данного на век» и оглядываясь на пройденный вместе путь, когда «все пережито — радости, невзгоды... / Все так же чист вальсальный мой покров» (**«Не каждая на век за мужа выйдет...»**). Тем не менее стремление хранить заповеди христианской веры сопрягается с живыми движениями человеческой души, иногда страстными и греховными, которым героиня К. то противостоит («Четки тихонько возьму / Нет, я не выйду к нему» — **«Ветер с твоей стороны...»**. С. 587), то готова безвольно подчиниться. Мн. стихи овеяны грустью и тоской по несбывшемуся, К. вспоминает тайные влюбленности, несостоявшиеся «романы», перешедшие в «романсы». Порой лирическая героиня К. признается: «Золотое кольцо ношу, / Хоть я счастлива не по любви» (С. 663), и сквозь внешнюю бесстрастность прорывается сдержанный стон: «Пусти меня! Забыть наш мертвый брак... Святая скука и могильный мрак / Домашний быт, незначащие речи» (С. 515). Иногда она предстает лукаво-остроумной, гордой девушкой — кавалер покинул фигуристку ради хоккея и тут же слышит приговор: «Я это все тебе зачу / Моих коньков дамасской сталью: / Я подвожу по льду черту / И подпись с росчерками ставлю!» (С. 668).

В «огнеопальной» поэзии К. есть и стихи, наполненные чистой радостью бытия («**Морозный скрип походки быстрой...**», С. 124) и тихие, умиротворенные картины природы («Радость лета. Сладость меда. / Зной цветы раззолотил»). В них нередко оживают лермонтовские образы и настроения: «Когда моей душе дано прозренья, / Когда светло струится благодать...» (С. 578), «Полуночи окно. Звезда. Печаль» (С. 243) и др. Мирознание поэтессы отчетливо теоцентрично: просветленные душевные состояния связаны, как правило, с переживанием православных праздников, созерцанием святых, а красота тварного бытия побуждает героиню к благодарной молитве Творцу.

Свое творчество К. определяет как служение — «нести людям простое православное слово», «открывать мир Божьего чуда, молитвы и радости православной веры» (Православная Русь. 2002. № 9. С. 11), суть его выражена К. в поэтических строках: «Я так жалею бедных и безгласных, / Я так жалею темных и скупых. / Дай силы, Господи, в словах Твоих прекрасных / Согреть замученные души их» («Когда моей душе дано прозренья...»). Мощная экспрессия стихов К. сочетается с песенным началом («русская певунья с негромким, но чистым голосом» — Тростников В. Н.— С. 6). Мн. стих. К. переложены на музыку: романсы Ю. и Е. Клепаловых, песни В. Филатовой, Ю. Звездного, В. Захарченко, А. Дудника.

К. перевела с немецкого стихи баронессы Матильды фон Визендок (возлюбленной Р. Вагнера); автор нескольких рассказов и эссе («Родное», «Смелей, Алеша, смелей!», «Не забывай: мы — русские!» и др.), главной темой которых является бытие православного человека в совр. мире.

К.— член правления Международного фонда славянской письменности и культуры, Православной Русской академии, центрального совета движения «Россия Православная», член бюро московского отделения СП России. Лауреат премий ж. «Наш современник» (1991), «Москва» (1996), удостоена Пушкинской медали (1999), медалей Государя Императора Николая II Александровича (2002) и «За гражданское мужество».

Соч.: Чистый образ: Книга стихотворений. М., 1992; Имперские розы: стихотворения. М., 1996; Вместо собственного некролога: Почти святочный рассказ // Лит. Зеленоград. М., 1997; Великая княжна Мария // Русский паломник. 1997. № 15; Любовь к Родине — она природна // Сельская жизнь. 1998. № 45. 18 апр; День чудесный! Русский дом в Малинниках // Сельская

жизнь. 1999. № 36. 14 мая; Порфира и Виссон: Лирика. М., 2000; Отцы // Русский вестник. 2001. № 29–30; Слава России! Стихи. М., 2001.

Лит.: Хочется пастырей видеть героями: Интервью с поэтессой // Встреча. М., 1997. № 2; Нина Карташева: «Злу всегда дам сдачи» / беседовал с поэтессой Е. Прошин // Сельская жизнь. 2002. № 16. 7–13 марта; Хомицкий П. Моя поэзия — судьба // Соборная весть. СПб. 2001. № 22. Ноябрь; Душа не может быть атеисткой... / беседовала с поэтессой А. Рохлина // Община XXI век. 2003. № 5(30); Тростников В. Н. Русская певунья // Карташева Н. Слава России! М., 2001. С. 3–8; Беседа с православной поэтессой Ниной Карташевой // Православная Русь. Джорданвилль. 2002. № 9. 1/14 мая. С. 10–13.

А. М. Любомудров

КАСАТКИН Иван Михайлович (псевдонимы Кологривский, Ив. К-ин, Унжак, Жан Унжа) [24.3(5.4).1880, д. Барановицы Кологривского у. Костромской губ.— 13.5.1938, в заключении] — прозаик, поэт, публицист, журналист.

Родился в бедной, безземельной крестьянской семье. До 9-летнего возраста К. жил в деревне. Его детство было очень тяжелым. Покинув деревню (отец «махнул на крестьянство рукой») и живя в городах Кологрив, Кострома, Нижний Новгород, семья К. продолжала бедствовать. Нужда заставила К. начать трудовую деятельность в 9 лет; подавал на

И. М. Касаткин